

Чжоу Чжаньсяо в последние дни только и делал, что мотался по съемкам да выбивал эфирное время для артистов, совершенно забросив управление компанией. Получив вызов от Цинь Хо, он не на шутку струхнул. Предчувствие не обмануло: на совещании, где собралось не больше десятка топ-менеджеров, именно Чжоу достался самый мощный нагоняй.

То, что агенты подрабатывают сутенерством, в шоу-бизнесе давно никого не удивляло. Пробриться к вершине тяжело, конкуренция бешеная. Поужинаешь с инвестором, поделишь с ним постель — и вот они, заветные роли и рекламные контракты. Да и подопечных никто особо не принуждал. Артист при деле — компания получает свои проценты. Большинство руководителей предпочитали закрывать на это глаза. Но легкие пути коварны: теневые сделки рано или поздно выходят боком, и Цинь Хо категорически запрещал подобные вольности в своей империи.

Когда он только встал у руля, старые пройдохи пытались втянуть его в свои грязные схемы. Потребовалось несколько лет жестких чисток, чтобы избавить компанию от этой скверны, зато атмосфера в коллективе быстро оздоровилась. Чжоу Чжаньсяо, хоть и перенял принципы старшего брата, железной хваткой не обладал. Любитель праздной жизни, он начисто растерял бдительность. И лишь когда помощник Му положил ему на стол результаты расследования, Чжоу осознал, какое зловонное болото развел прямо у себя под носом.

Из кабинета донесся резкий хлопок — судя по всему, ладонь со всей силы обрушилась на полированный стол. Сяо Мао обернулся к замершей в дверях секретарше с папкой документов и покачал головой, без слов давая понять: соваться туда сейчас не стоит.

Из-за двери доносился яростный ор Чжоу Чжаньсяо:

— Это у вас, блядь, артисты?! Да вам, сукам, не агентством рулить, а публичный дом открывать! Самим-то не запахло сутенерствовать?!

Брат Хуа шел на ковер в благостном расположении духа. Он надеялся, что от У Сяоюэ наконец-то пришли обнадеживающие новости, и мысленно уже подсчитывал жирные проценты с гонораров будущей звезды. Кто же знал, что едва он переступит порог, как ему в лицо полетит веер бумаг. Дрожащими руками он подобрал разлетевшиеся листы, вчитался — и краска мгновенно сошла с его лица.

Чжоу Чжаньсяо пообещал, что сгноит его за решеткой. Спасая собственную шкуру, Брат Хуа без раздумий сдал подельников. Ниточка потянулась, и наружу вылез целый змеиный клубок: под раздачу попали практически все агенты подразделения В. Их поочередно затаскивали на ковер, откуда они выползали бледные как смерть. Кабинетная порка затянулась на несколько часов.

Прижимая к груди трудовую книжку с волчьим билетом, Хуа тупо смотрел на мигающие цифры над дверью лифта. Он столько лет возился с бесталанной посредственностью, надеясь на чудо, и вот наконец вытащил счастливый билет — продвинул У Сяоюэ в клип самого Юань Шана. Карьера должна была взлететь до небес. И всё накрылось... вот так просто?

Внезапный сильный толчок в спину заставил его влететь на темную лестничную площадку. Брат Хуа не успел опомниться, как его обступили коллеги по отделу. В их глазах горела глухая ярость. Он вошел к Чжоу Чжаньсяо первым, после чего остальных начали дергать по цепочке — даже кретин догадался бы, кто сдал контору.

В этой индустрии действовали свои неписанные законы: грызитесь за контракты и переманивайте спонсоров сколько угодно, но никогда не нарушайте круговую поруку. Грязные тайны связывали слишком многих; малейшая утечка — и по цепочке полетят головы. Все только казались наглыми и неуязвимыми, на деле же ступали по тонкому льду. Хуа терять особо было нечего, но в подразделении В работали и матерые волки. Они годами выстраивали связи, вкладывали миллионы в раскрутку молодых талантов, а теперь их вышвыривали без выходного пособия. Из-за железного компромата они даже не смели увести подопечных за собой — все наработки остались у компании. В один миг лишиться сытой жизни из-за паршивого стукача? Тут любой озвереет.

Брат Хуа, конечно, отчаянно юлил и божился, что никого не сдавал, но дураков здесь не держали. Вернуть теплое местечко никто уже не надеялся — бывшие коллеги просто хотели выпустить пар. И лучшим средством для этого было пересчитать предателю ребра.

Когда начальник охраны доложил о потасовке на лестнице, Чжоу Чжаньсяо все еще кипел от злости и лишь небрежно махнул рукой: мол, пусть потешатся, не лезьте. Эти тертые калачи прекрасно знали меру — до мокрухи дело не доведут. Что же до избиваемого, тот в полицию заявлять не побежит, сам по уши в дерьме. Собакам — собачья смерть, незачем портить себе настроение из-за грызни шакалов.

Разогнав большую часть паршивых овец из группы В, Чжоу Чжаньсяо распределил оставшихся без присмотра артистов и освободившиеся ресурсы между агентами с хорошей репутацией. Покончив с чисткой, он почувствовал себя едва ли не спасителем отечества. Обида на старшего брата, устроившего ему утреннюю головомойку, окончательно испарилась — весь негатив ушел вместе с пинками, которые достались уволенным дельцам. На душе стало на редкость легко и свежо. Щелкнув тумблером, Чжоу врубил аудиосистему на полную мощность.

Легкий, стремительный ритм «Погони» мгновенно заполнил просторный кабинет. Сяо Мао прислушался к льющейся мелодии, удовлетворенно кивнул и постучал в дверь, увлекая за собой робкую секретаршу с новой стопкой документов.

Чжоу Чжаньсяо лениво покачивал головой в такт музыке с привычным видом холеного бездельника. Злость улетучилась, он вполне миролюбиво ставил размашистые подписи на бланках и между делом спросил у помощника:

— Послушай, Сяо Мао, какое сегодня число? Меня весь день преследует предчувствие, будто должно случиться что-то грандиозное.

Сяо Мао на секунду завис, поспешно открыл рабочий органайзер на планшете и хлопнул себя по лбу:

— Действительно! Вы же сами просили напомнить, а у меня из головы вылетело. Сегодня же стартуют продажи того самого журнала с господином Юанем на обложке!

Чжоу Чжаньсяо вытаращил глаза. Всю его расслабленность как ветром сдуло. Резким движением смахнув в сторону кипу документов, он рванулся к клавиатуре компьютера:

— Так какого черта ты стоишь столбом?! Быстро оформляй заказ! Скупай всё, что сможешь достать!

Изначально журнал АМ ориентировался исключительно на западного читателя. Но в последние годы, под натиском цифровой эпохи, печатный глянец начал неуклонно угасать, заставив издательский дом искать новые каналы дистрибуции — от онлайн-заказов до интерактивных цифровых версий. Для элитарного издания, живущего за счет дорогой премиальной рекламы, это стало спасительной соломинкой.

Перед самым стартом предзаказа суматоха в редакции наконец улеглась. Пользуясь передышкой, Ева сидела в своем кабинете и изучала графики мировых продаж за прошлые кварталы. Черно-белая кривая, несмотря на редкие всплески, упрямо ползла вниз. Медленное угасание бумажной прессы превратилось в глобальный кризис, пощадивший немногих, и АМ не был исключением. Вот только крупных рекламодателей мало волновал упадок отрасли; их по-прежнему интересовали охваты и платежеспособность аудитории. В эпоху, когда розничные продажи едва покрывали расходы, именно рекламные контракты оставались единственным источником выживания. Каждый выпуск превращался в ожесточенное сражение, на кону в котором стояло благополучие тысяч людей. Как главный редактор, Ева испытывала колоссальное давление. Внешне она сохраняла абсолютную невозмутимость, но в день релиза ее сердце неизменно сжималось от глухой тревоги.

Открыв панель управления официального сайта АМ, Ева наткнулась взглядом на макет новой обложки. Юань Шан с легкой, обезоруживающей полуулыбкой держал в руках скрипку, излучая благородное изящество и внутреннюю свободу. Ева невольно залюбовалась кадром, но на задворках сознания вновь зашевелилось сомнение. В их индустрии существовало негласное правило: азиатское лицо на обложке — верный способ похоронить продажи на Западе, за редким исключением звезд первой величины. Заокеанский обыватель неохотно интересовался восточной культурой, а потому не спешил расставаться с деньгами ради незнакомцев. Если бы не авторитетное заступничество Пластинок Цзюфэн, АМ ни за что не решился бы переступить это табу.

Ева бросила взгляд на циферблат настольных часов. Девять часов пятьдесят девять минут утра. До старта продаж оставались считанные секунды.

«В Восточной Азии сейчас... глубокий вечер?»

Вздохнув, она закрыла ноутбук, откинулась на высокую спинку кожаного кресла и прикрыла глаза, пытаясь насладиться вкусом теплого кофе.

Кажется, прошел всего один миг, но тишину кабинета бесцеремонно нарушил оглушительный звон телефона. Вздрыгнув, Ева поспешно поставила чашку, расплескав немного кофе на полированное дерево.

Она сняла трубку и сухо спросила:

— Да? Что случилось?

Из динамика донесся взволнованный, почти задыхающийся голос ее ассистента:

— Ева! Отдел продаж запрашивает экстренное разрешение на дополнительный тираж! Мы должны немедленно запустить станки!

— Что?! — Ева резко выпрямилась в кресле. — Разве тираж не прошел финальную сверку? Я лично проверяла макеты перед отправкой в печать, там не могло быть брака!

— Нет-нет, с качеством все в порядке! — торопливо заговорил помощник. — Дело в объемах. У нас закончился весь резерв на складах!

Ева на секунду лишилась дара речи. Независимо от прогнозов, издательство всегда готовило к старту внушительный запас — не менее восьмидесяти тысяч физических копий, причем львиная доля предназначалась для онлайн-дистрибуции. И сейчас они заявляют о дефиците?

Медленно опустив трубку, она уставилась на старинные часы. Изящные стрелки за стеклом продолжали свой неспешный бег.

С начала продаж прошло ровно двенадцать минут.

Оцепенение сменилось лихорадочной работой мысли. Ева вскочила, сорвала трубку с рычага и засыпала подчиненных градом жестких, уверенных команд. Работа закипела. Всего через несколько минут помощник влетел в кабинет и положил перед ней свежую аналитическую сводку по онлайн-заказам.

Каждое уважающее себя издание детально анализировало географию продаж. Общие тиражи — лишь верхушка айсберга; для солидных брендов куда важнее была платежеспособность аудитории в конкретных регионах.

Ева торопливо раскрыла отчет. Пропустив первые страницы, пестревшие адресами из Восточной Азии, она уперлась взглядом в географическую карту западного полушария и замерла в немом восторге.

«Потрясающе. Стоимость рекламной полосы в следующем выпуске можно смело задирать еще на десять процентов».

В ту же секунду на отечественных форумах и в социальных сетях поднялся невообразимый вой:

— А-а-а! Не успела-а-а! Сука-а-а!

— Блядь, я специально будильник заводил на ночь! Долбаный сайт АМ залагал намертво, а когда страница наконец обновилась — все, блядь, по нулям! [рыдающий смайлик]

— Да у этих пиндосов серверы из картона сделаны, лагало каждые полсекунды!

— Народ, кто успел урвать пару штук? Умоляю, перепродайте одну! Заплачу двойную цену!

— Куплю по любой цене! Ну или хотя бы плакат с Юань Шаном, у кого лишний?!

— О да-а-а! Я сделал это! Ловите скрин заказа, нищebroды! Кажется, сегодня боги рандома поцеловали меня в макушку!

Популярные отечественные платформы трещали по швам от стенаний обделенной публики. Даже грабительская стоимость международной доставки не смогла остудить фанатский пыл. Счастливики наперебой хвастались скриншотами оплаченных квитанций, а менее удачливые поклонники судорожно прочесывали сеть в поисках спекулянтов. На этом фоне продажи более дешевой цифровой версии АМ устремились в космос, демонстрируя ошеломляющие показатели.

Юань Шан наконец завершил изматывающий съемочный день и устало откинулся на спинку сиденья. Цинь Хо предоставил ему новенький представительский минивэн — просторный, семиместный, с чистейшим кожаным салоном. В этой машине Юань Шан наконец-то почувствовал себя по-настоящему комфортно, словно вернулся в те времена, когда не привык ни в чем себе отказывать.

Сидящий рядом Сунь Цинхань увлеченно листал ленту новостей. Его лицо то озарялось восторгом, то вытягивалось от удивления, пока он наконец не выдержал и не сунул телефон

прямо под нос артисту:

— Юань Шан, посмотри скорее! Это же просто невероятно!

Юань Шан лениво покосился на экран и удивленно вскинул бровь. На дисплее крутился ролик с бэкстейджем для АМ. Объектив камеры ловил его сбоку, без лишних склеек запечатлев тот самый момент, когда он взял в руки скрипку. Сунь Цинхань выдернул штекер наушников, и из динамика полилась пронзительная, чистая мелодия, пробивающаяся сквозь фоновый шум съемочной площадки. Запись уступала студийному качеству, но в ней крылась первозданная, искренняя сила, заставившая даже самого Юань Шана на мгновение заслушаться. Увы, мимолетный фрагмент длился всего полторы минуты и оборвался на самом интересном месте.

— Ха-ха-ха! — Сунь Цинхань заметил его досаду и весело расхохотался, прокручивая страницу вниз, к комментариям. — И это только первая часть бэкстейджа! Редакция АМ — те еще суки, знают ведь, как завлечь публику!

Пользователи под видео сходили с ума:

— Склоняю голову перед Юань Шаном. Написать такое роскошное вступление к песне — это уровень. Нашей эстраде чертовски не хватает музыкантов, которые так упорно ищут совершенство в каждой детали.

— Сволочи, у вас совесть есть?! А ну выкладывайте полную версию!

— Требуем студийную запись! Дайте нам этот трек в высоком качестве, умоляю!

— Кажется, я уже совершенно спокойно приму новость о том, что Юань Шан умеет играть вообще на любом инструменте в этом мире [рука-лицо].

— Пожалуйста, напечатайте еще тираж!!! Мы тоже хотим журналы!!!

Как и следовало ожидать, официальный аккаунт АМ в соцсетях буквально трещал по швам от наплыва пользователей. Комментарии были забиты восторженными криками фанатов, доведенных до экстаза мимолетным музыкальным фрагментом. Лента пестрела признаниями в любви Юань Шану, которые тонули в слезных мольбах выпустить дополнительный тираж. Пользуясь тем, что автомобиль плавно скользит по автостраде, Юань Шан забросил утомленный взгляд в телефон менеджера, чтобы полистать новости. Первую строчку в трендах ожидаемо занимала публикация об обложке журнала, но и вторая тема, как выяснилось, тоже касалась его персоны.

Один из популярных блогеров написал:

— [Изображение] А-а-а! Посмотрите на цифровую обложку АМ! Юань Шан здесь просто

умопомрачителен!

Под этой записью скопились тысячи откликов, и в каждом втором поклонники хвастались скриншотами оплаченных подписок.

Юань Шан бегло просмотрел сообщения и спросил:

— Продажи АМ уже начались? Кажется, дела идут неплохо?

— Да ты шутишь! — Сунь Цинхань буквально сиял от счастья, напоминая гордого отца, чей сын занял первое место на олимпиаде. — Мы побили рекорд продаж среди китайских исполнителей в Северной Америке за последние десять лет! Пятьдесят тысяч копий разлетелись за первые десять минут! Завтра эти цифры будут украшать все передовицы. Жаль только, у АМ нет отечественного филиала, иначе показатели оказались бы вдвое внушительнее!

Пятьдесят тысяч экземпляров за десять минут обывателю могут показаться скромной цифрой, но для переживающей глубокий кризис печатной индустрии это был оглушительный триумф. Особенно если учесть специфику АМ — элитарного зарубежного глянца, никогда не гнавшегося за массовым тиражом. Подобный коммерческий успех наглядно продемонстрировал рынку: аудитория Юань Шана обладает феноменальной платежеспособностью.

Финансовая отдача от фанатов — ключевой показатель, по которому бренды оценивают ликвидность знаменитости. От этого напрямую зависит уровень рекламных предложений и масштаб предлагаемых ролей. Радость Сунь Цинханя была более чем обоснованна: с момента дебюта Юань Шан принципиально не разменивался на мелкие рекламные контракты, изначально выстраивая имидж премиального артиста. Но поскольку он только начинал свой путь, пусть и сопровождаемый громким хайпом, солидные модные дома не спешили рисковать репутацией. Теперь же, после столь блистательной демонстрации коммерческого потенциала, ситуация должна была кардинально измениться.

Предчувствия не обманули: на следующее утро заголовки об оглушительном успехе соотечественника за рубежом красовались на главных страницах ведущих изданий.

Имя Юань Шана вновь замелькало в новостных лентах, окончательно закрепив за ним статус артиста мирового уровня. Не стоит недооценивать силу этого ярлыка для позиционирования в глазах отечественной публики. Глядя на то, как наши знаменитости толпами рвутся на европейские показы ради пары дежурных кадров в светской хронике, понимаешь, насколько важна для массового зрителя иллюзия востребованности на Западе. Стоит лишь упомянуть в резюме зарубежный кинофестиваль, съемку в иностранном глянце или мимолетную роль в Голливуде, как ценник вчерашнего ноунейма взлетает в разы. И никого не волнует наличие таланта — зарубежное признание работает как знак качества, не подлежащий сомнению. Печальное, но неоспоримое правило шоу-бизнеса.

Юань Шан, разумеется, не стал пренебрегать открывшимися возможностями.

Почтовый ящик Сунь Цинханя разрывался от предложений: режиссеры наперебой зазывали артиста на роли второго плана в многобюджетных лентах и главные роли в независимых проектах. Его рыночная стоимость совершила головокружительный скачок, достигнув отметки в восемь миллионов за фильм. Фанатское сообщество стремительно структурировалось, превращаясь в дисциплинированную и отлично организованную армию. Случись теперь очередная волна черного пиара, недоброжелатели уже не смогли бы так просто раздавить его в медиaprостранстве. Сунь Цинхань кусал локти, сокрушаясь, что они согласились на сущие копейки за роль в «Похищении тайны», но Юань Шан смотрел на вещи гораздо шире.

В шоу-бизнесе легкие деньги приходят вместе с первой узнаваемостью. Но если заработать состояние не составляет труда, то оставить след в искусстве — задача куда более сложная. Популярность переменчива, как ветер, и лишь по-настоящему сильные работы служат гарантом долгой творческой жизни. Индустрия производства контента давно погрязла в спешке и поверхностности: каждый месяц на экраны выходят десятки новых сериалов, но достойными внимания оказываются лишь единицы. Юань Шан бегло просмотрел сценарии дорогостоящих телепроектов, куда его заманивали баснословными гонорарами, и не нашел среди них ни одного, который по художественной глубине превосходил бы «Похищение тайны». Согласись он на эти роли ради легкой наживы, он лишь растерял бы доверие зрителей, которое так дорого ценил.

Сунь Цинхань, перебирая папки на планшете, вдруг злорадно усмехнулся и окликнул артиста:

— Послушай, Юань Шан, тут пришло забавное предложение. Помнишь тот молодежный сериал «Магический король школы»? Ну, контракт на который тебе зажали во время съемок в «Голосе Вселенной». Охренеть, теперь эти деятели предлагают полтора миллиона за минутное появление в кадре! Какая поразительная щедрость. Что же эти твари раньше-то нос воротили?

Юань Шан невольно улыбнулся, глядя на воинственный вид своего менеджера. Видеть, как искренне этот человек переживает за его успехи, было чертовски приятно. Поддавшись порыву, он притянул худощавого Сунь Цинханя к себе и дружески приобнял за плечи:

— Ну полно тебе, не кипятись. Если бы не те палки в колесах, я не стал бы собой нынешним, да и мы с тобой, глядишь, никогда бы не встретились. Я искренне рад, что у меня такой агент. Посмотри вокруг — разве сейчас нам плохо?

У Юань Шана был врожденный дар произносить самые невинные вещи с интонацией интимного признания. К тому же он обожал тактильный контакт, но делал это так изящно, что злиться на него было невозможно. За время их знакомства Сунь Цинхань, казалось, должен был привыкнуть к этим штучкам, однако сейчас, уловив едва заметный, изысканный шлейф парфюма артиста, он все равно вспыхнул до кончиков ушей. Смущенно высвободившись из дружеских объятий, он негромко произнес:

— Я тоже... очень рад, что руковожу твоей карьерой.

«Господи, ну и придурки...»

Проходивший мимо У Сяюэ демонстративно закатил глаза. Однако стоило ему поравняться с диваном, как длинная рука Юань Шана загребла в охапку и его. Старший принялся бесцеремонно взъерошивать его тщательно уложенные лаком волосы. У Сяюэ на секунду насупился, честно пытаясь изобразить праведный гнев, но в итоге не выдержал и весело расхохотался, шутливо отбиваясь:

— Да пусти ты! Совсем ебанулся?! Хватит прическу портить!

Воздух заметно похолодал, напитавшись колючей осенней сыростью. Выстроившиеся вдоль обочин деревья растеряли последнюю листву, и их обнаженные, серые остоны замерли у дороги, навевая щемящее чувство сиротливой пустоты.

Выйдя из салона, Юань Шан зябко выдохнул облачко белого пара и посильнее натянул воротник легкого пальто. Внезапно его шею окутало мягкое тепло — кто-то заботливо набросил на него широкий черный шарф. Сзади послышался ворчливый голос Юй Шуимяо:

— Закутайся получше. Вечно ты щеголяешь налегке в такой холод ради дурацкого пижонства.

Юань Шан не повернул головы. Он задумчиво созерцал строгие каменные пилоны ворот, возвышающиеся впереди, и негромко произнес:

— Да Юй... Как думаешь, если бы отец с матерью могли увидеть меня сегодняшнего, они бы обрадовались? Или пришли бы в ужас?

Каждый год в этот день его обычно прагматичный и ироничный друг преображался, замыкаясь в себе. Юй Шуимяо совершил невозможное — выкроил несколько часов посреди горящих съемочных сроков, чтобы просто молча побыть рядом. И пусть его ворчание звучало грубовато, за ним скрывалась глубокая, искренняя тревога за близкого человека.

Вздыхнув, режиссер так и не нашел нужных слов утешения. Он лишь крепко сжал плечо Юань Шана. Они постояли неподвижно, всматриваясь в серую даль, а затем не сговариваясь двинулись по аллее. Юань Шан шел медленно, словно каждый шаг давался ему с колоссальным трудом. Поравнявшись с неказистой лавкой ритуальных принадлежностей у входа, он негромко обронил:

— Я сейчас. Нужно кое-что купить.

Некрополь на Горе Покоя считался самым престижным в мегаполисе. Кладбищенские участки здесь продавались за баснословные деньги, упокая под вековыми соснами лишь самых богатых и влиятельных особ. Юань Шан скользил взглядом по стройным рядам величественного гранита, и в его памяти невольно всплывали картины из прошлого. Из

прошлой жизни, когда его из года в год катили по этим ухоженным дорожкам в инвалидном кресле. Как же разительно отличался его тогдашний, приземленный взгляд на мир от сегодняшнего! Да и из тех, кто когда-то делил с ним этот скорбный путь, рядом остался один лишь Юй Шуимяо.

Время — безжалостный зодчий, способный незаметно и необратимо стереть из реальности всё, что казалось незыблемым.

Юань Шан бережно коснулся холодного надгробия, очерчивая пальцами контуры черно-белого снимка, на котором его родители вечно улыбались друг другу, прижавшись плечом к плечу. Его взгляд подернулся туманной дымкой далекой, невысказанной грусти.

Юй Шуимяо деликатно отошел в сторону, позволяя другу побыть наедине с близкими. Окинув взглядом соседний участок, засаженный вечнозелеными кустами, он негромко произнес:

— К слову... Твоя собственная могила ведь буквально в паре шагов отсюда. Не хочешь навестить себя прежнего?

Захоронение Чжао Гуана находилось во втором ряду, прямо за родительским участком. Вся их маленькая семья волею судеб воссоединилась в одном некрополе, буквально на соседних метрах. Юань Шан поймал себя на мысли, что этот факт приносит ему странное, почти абсурдное облегчение.

Еще издали он заметил, что на сером граните его собственного надгробия сиротливо белеет свежий букет хризантем. Ему доводилось принимать охапки роскошных роз от фанатов, но эти скромные цветы вызвали в груди щемящее, ни с чем не сравнимое чувство. Юань Шан подошел ближе, аккуратно взял букет и поднес к лицу. Нежные лепестки мелко затрепетали под его дыханием.

Юй Шуимяо озадаченно нахмурился:

— Какая странная картина. Сегодня ведь даже не день твоей... ну, прошлой кончины. С чего бы кому-то нести цветы?

— Возможно, кто-то ошибся адресом, — тихо отозвался Юань Шан, пряча грустную улыбку.

Он бережно вернул букет на холодный камень, после чего достал сигарету, щелкнул зажигалкой и, сделав короткую затяжку, аккуратно положил ее на небольшой жертвенный выступ у подножия плиты. Сизый дымок тонкой струйкой потянулся к небу.

Вскоре после того, как их шаги затихли вдаль, у входа на кладбище показался высокий мужчина. На его лицо была натянута темная маска, а в руке он небрежно покачивал бутылку дешевого крепкого алкоголя. Он медленно брел вдоль оград, пиная носком ботинка жухлые

листья.

Жэнь Пиншэн запрокинул голову, тупо всматриваясь в сплетение голых ветвей на фоне серого неба, и тяжело, надрывно вздохнул. Сегодня не было годовщиной гибели Чжао Гуана. Однако в прежние времена именно в этот день они неизменно приходили сюда вдвоем. Теперь, когда Чжао тоже канул в небытие, Жэнь Пиншэн упрямо цеплялся за ушедший ритуал. Словно эти визиты могли хоть на миг заделать зияющую брешь в его израненной душе.

Закончив молчаливый монолог перед памятником друга, Жэнь Пиншэн почувствовал, как к горлу подступает горький ком. Ему до безумия захотелось выпить до полного беспамятства, чтобы хоть на пару часов заглушить эту боль. Наплевав на приличия, он дошел до прихрамовой лавки за бутылкой крепкого байцзю.

Вернувшись к могильной плите, он занес руку, собираясь сделать первый глоток, но взгляд его упал на жертвенник. Прямо на граните лежала сигарета, истлевшая ровно наполовину. Нахмурившись, Жэнь Пиншэн опустил на корточки, подобрал ее и вгляделся в фильтр. В следующее мгновение его глаза расширились от дикого, неопишемого потрясения.

Именно этот специфический, редкий бренд Чжао Гуан полюбил незадолго до кончины, когда болезнь уже подтачивала его легкие. Об этом его капризе знал чрезвычайно узкий круг людей.

«Кто здесь был? Кто пришел навестить его в этот день?»

Старое поместье семейства Чжао окончательно погрузилось в безмолвие со смертью своего последнего наследника. На парадных дверях сиротливо белели судебные печати, а некогда безупречный сад превратился в запущенные заросли сорняков и бурьяна.

Юань Шан уверенным, доведенным до автоматизма движением просунул руку сквозь кованые прутья ограды, пошарил в глубокой нише кирпичного столба и выудил оттуда связку маленьких, изящных ключей.

— А я уж было подумал, что их кто-то нашел, — тихо рассмеялся он, любясь потускневшим металлом на своей ладони.

Затеняя лицо рукой, он весело встряхнул связкой перед лицом Юй Шуимяо, заставив ключи негромко зазвенеть:

— Идем. Давай тайком заглянем в мой старый дом.